

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu3.2018.2.1>

UDC 339.924(470+571)

LBC 65.9(2Рос)-98

THE SUBJECT INTEGRITY OF RUSSIAN ECONOMY FROM THE PERSPECTIVE OF THE THEORY OF INTEGRATED SUBJECTS

Aleksandr A. Ermolenko

Krasnodar Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation,
Krasnodar, Russian Federation

Abstract. Possession of advanced subject potential has become one of the key factors of successful development in modern economy that concerns all its participants, including the national economic systems. Being a subject in the conditions of deep technological shifts and related large-scale social and economic transformations assumes the ability to react adequately to changes in the external environment of existence and to initiate such inner transformations that would make significant contribution to cumulative results of evolutionary process. Taking into account the achievements of global integration of economic relations, the mentioned circumstance makes us remember the cognitive potential of the theory of integrated subjects. This theory was developed on the methodological platform of Marxist political economy, and its opportunities are demanded in the research of subject potential of the Russian economy as a systemic integrity.

Conceptual representation of the Russian economy as the integrated subject allows finding rational responds to a set of questions relating to the nature, the way of motion, the reactions of this economic system to changes in external competitive environment. We substantiate the legitimacy, relevance and necessity of applying the theory's methodological tools for the analysis of a number of problems facing the Russian economy at the present stage of development. The correct use of such cognitive opportunities can ensure proper assessment of Russian economy's self-motion. At the same time, the application of this methodology meets the restrictions caused by deficiency of research experience in the platform of Marxist political economy.

We pay special attention to cross-disciplinary character of the stated scientific problem, which requires applying the complex of cognitive opportunities. Such opportunities are contained in modern editions of the systemic approach, the theory of economic relations' personification, the theory of an Asian approach to production, the conception of non-uniform economic systems, the institutional economic theory, etc. We aim at real assessment of the creative potential possessed by the integrated subject of the Russian economy at the present stage of development.

Key words: Russian economy, integrated subjects, personification, power-property, determination, development, opportunities.

УДК 339.924(470+571)

ББК 65.9(2Рос)-98

СУБЪЕКТНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТЕОРИИ ИНТЕГРИРОВАННЫХ СУБЪЕКТОВ

Александр Александрович Ермоленко

Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, г. Краснодар, Российская Федерация

Аннотация. Одним из ключевых факторов успешного развития в современной экономике стало обладание высоко развитым субъектным потенциалом, что относится ко всем ее участникам, в том числе, и к национальным хозяйственным системам. Бытие субъектом в условиях глубоких технологических сдвигов и связанных с ними масштабных социально-экономических трансформаций предполагает способность адекватно реагировать на изменения во внешней среде существования и инициировать в своей внутренней среде преобразования, вносящие значимый вклад в совокупные результаты эволюционного процесса. С учетом достижений глобальной интеграции экономических отношений указанное обстоятельство вынуждает вспомнить о познавательном потенциале, которым обладает теория интегрированных субъектов, возникшая на методологической платформе марксистской политической экономии. Ее возможности востребованы в исследовании субъектного потенциала российской экономики как системной целостности.

Концептуальное представление российской экономики как интегрированного субъекта позволяет найти рациональные ответы на множество вопросов, относящихся к природе, способу движения, реакциям данной хозяйственной системы на изменения во внешней конкурентной среде. Автор обосновывает правомерность, актуальность и необходимость применения методологического инструментария теории интегрированных субъектов для анализа ряда проблем, обозначившихся на современном этапе развития российской экономики. Корректное использование таких познавательных возможностей может обеспечить потребности оценки самодвижения отечественной экономики как субъектной целостности. Вместе с тем, такое использование встречается с ограничениями, обусловленными дефицитом опыта исследований на методологической платформе марксистской политической экономии.

Особое внимание автор обращает на междисциплинарный характер заявленной научной проблемы, в разработке которой востребован комплекс познавательных возможностей, которыми обладают современные редакции системного подхода, теория персонификации экономических отношений, теория азиатского способа производства, концепция неоднородных экономических систем, институциональная экономическая теория и др. Автор стремится к реальной оценке того созидательного потенциала, которым обладает интегрированный субъект российской экономики на современном этапе развития.

Ключевые слова: российская экономика, интегрированные субъекты, персонификация, власть-собственность, детерминация, развитие, возможности.

Невозможно жить прошлым, но можно достаточно долго обманывать самих себя, обращая свои взгляды, мысли, ресурсы в прошлое, воевать с ушедшими из жизни людьми, отстаивать ранее не сбывшиеся идеалы, измеряя все текущие события прежними мерками и апеллируя к тому, что уже не вернуть. А как хотелось бы!

Невозможно жить будущим, но, как свидетельствует опыт советской эпохи, можно достаточно долго обманывать самих себя, обращая свои взгляды, мысли, ресурсы в будущее, принося настоящее в жертву неким абстрактным надеждам, мечтам и ожиданиям, которые так никогда и не сбудутся.

Можно жить только настоящим, реально оценивая прошлое и заимствуя из него то, что жизнеспособно сегодня, закладывая основы будущего с помощью обычных текущих дел, но, не впадая в иллюзии и не принося свое настоящее в жертву детям, внукам и неизвестно кому еще. Такова норма общественно-хозяйственной жизни.

Символ России – двуглавый орел на ее гербе – всматривается на восток и на запад,

в прошлое и в будущее, но что для него «здесь и сейчас»? Что ищет Россия в мировом хозяйстве и что находит? Каков закон ее движения? Правомерны ли ее претензии на поиск своего пути развития в современной социально-экономической ситуации, а также встречные претензии других стран, адресованные ей? Эти вопросы принадлежат к разряду вечных, но события последних лет придали им новое звучание. За ними – проблема субъектной целостности хозяйственного бытия самобытной страны, поставленная в координатах пространства и времени. Ключом к решению такой проблемы является адекватное концептуальное представление указанной субъектной целостности, сформированное с учетом современных научных возможностей.

Концептуальное представление субъектной целостности российской экономики

За своеобразием и устойчивостью реакций российской экономики на изменения во внешней среде скрывается ее существование

в качестве сложно организованного, интегрированного субъекта общественно-хозяйственных отношений, качественная определенность которого позволяет четко идентифицировать его в изменяющейся внешней среде. Мы сталкиваемся здесь с феноменом субъектной целостности системы национальной экономики, в исследовании которой востребованы познавательные возможности теории персонификации, ориентированные на задачи анализа субъектных форм экономических отношений.

Персонажи, которые действуют в хозяйственной жизни и привлекают к себе внимание исследователей, воплощают в себе экономические отношения, в которые они вовлечены. Производитель и потребитель, принципал и агент, капиталист и работник – субъектные формы соответствующих объективно сложившихся отношений. Интегрированные субъекты стали высокоразвитыми результатами развития субъектного воплощения экономических отношений, вобрав в себя результаты кооперации и разделения деятельности, комбинирования и переплетения ресурсов и факторов, дифференциации и интеграции в исторически сложившихся пространствах существования народов. Речь идет о пространственно-интегрированных и корпоративно-интегрированных субъектах экономических отношений, которые настолько продуктивны в своих деятельных проявлениях, насколько упорядочены, целостны, организованы и управляемы их воспроизводственные процессы [11]. Такие субъекты возникли задолго до настоящего времени, но своим выходом на передний план хозяйственного развития они обязаны процессу глобальной интеграции, который вызвал к жизни потребность в выдвигании и реализации согласованных стратегических целей множества корпораций, сетевых структур, местных и территориальных хозяйств, а также национальных экономик, втянутых в совместное развитие в масштабах мировой экономики, что, в свою очередь, предполагает наличие у них формального субъектного статуса и реального субъектного потенциала [19].

Разумеется, интегрированные субъекты не сводятся к совокупностям индивидов, вступающих между собой в транзакции. Поэтому для раскрытия их содержания вряд ли востребованы положения неоклассической теории,

относящиеся к потребительскому выбору, инвестиционным предпочтениям, моделям рационального поведения индивидов на рынке и др. Описывая субъектную целостность современной российской экономики, невозможно ограничиться частными определениями ее продавцов и покупателей, производителей и потребителей, организаций и территорий, в противном случае мы потеряем из виду системное качество связей и повторим классическую ошибку описания леса с помощью набора характеристик отдельно стоящих деревьев.

Глубина и динамика современных преобразований обозначают необходимость расширение поля экономических исследований и обогащения существующей системы науки новыми понятиями, отражающими результаты изменений. Применительно к задаче исследования субъектной целостности современной российской экономики указанное обстоятельство означает необходимость введения в оборот экономических исследований качественно новых категорий и концептуальных представлений. Следует согласиться с тем, что представление о «*homo economicus*», сформировавшееся более двух столетий тому назад, не может быть использовано для адекватного отражения современных субъектных реалий общественно-хозяйственной жизни. Принимая во внимание результаты глубоких технологических сдвигов, глобальной интеграции и связанных с ними организационных и институциональных преобразований, современные исследователи формируют и апробируют альтернативные концептуальные представления о «человеке институциональном», «человеке креативном» и др. [18; 19; 20].

Концептуальное представление об интегрированных субъектах сложилось в русле современных системных исследований и адресовано задачам анализа сложных субъектных форм экономических отношений, порожденных интеграционными процессами и наделенных существенными созидательными возможностями, потребностями и интересами, а также способностью к адаптации и саморазвитию [1; 11].

Адаптируя приведенные выше положения к субъектной целостности современной российской экономики, отметим, что она вовлечена в процесс глобальной интеграции,

организует национальное воспроизводство, наделена определенным потенциалом саморазвития, ресурсной базой, капиталом, социальной ответственностью по результатам своей деятельности, механизмами выдвижения целей и согласования экономических интересов своих частичных субъектов (территорий, корпораций, домохозяйств, индивидов), а также способностью генерировать различного рода инициативы и новшества, которые запускают изменения во внешней среде ее существования [20].

Оценивая указанное выше концептуальное представление, необходимо исходить из того, что оно отражает реально существующий феномен. Субъектная целостность системы российской экономики не сводится к набору субъектных потенциалов, входящих в эту экономику предпринимателей, домохозяйств, корпораций, территорий, а представляет собой способность системы воспринимать изменения в ее внешней среде и адаптироваться к ним, а также генерировать в своей внутренней среде импульсы преобразований, которые активно воздействуют на процессы, протекающие во внешней среде, например, создавать новые технологии, рынки, обуславливать концентрацию наиболее ценных ресурсов развития на перспективных направлениях эволюции, выдвигать качественно новые цели и идеи [21]. Чем рельефнее внешние вызовы современных преобразований, стоящие перед национальной экономикой, тем более востребована ее субъектная целостность в обеспечении глобальной конкурентоспособности и эффективном регулировании собственного встраивания в мировой эволюционный процесс [9].

В научной литературе выделены следующие конституирующие признаки интегрированного субъекта экономических отношений [11]:

– наличие вертикальной структуры хозяйственной власти, которая в элементарной форме субъектной целостности выступает как доминирование главы домохозяйства, а в развитой форме указанной целостности – как вертикаль государственной власти;

– обладание имущественным комплексом, обеспечивающим потребности субъектной целостности, а также соответствующих отношений собственности; применительно к

субъектной целостности российской экономики, это комплекс общих условий развития многонационального сообщества и адекватные ему отношения собственности государства и общественных организаций;

– опора на специальную институциональную платформу, обеспечивающую упорядочивание и системный характер функционирования и развития субъектной целостности.

На пути восхождения от элементарной формы субъектной целостности (наноуровень) к субъектной целостности национальной экономики (макроуровень) мы сталкиваемся с промежуточными формами интегрированных субъектов, соответствующими мезоуровню организации экономических отношений, и воплощающими субъектный потенциал местного хозяйства, кластерных структур, территориальной экономики и др. Фокусируя внимание на субъектной целостности национальной экономики, выделим фактор, который стал ключевым для ее современной оценки – обострение пространственной конкуренции вследствие неравномерности глубоких технологических сдвигов и связанных с ними социально-экономических преобразований. Этот фактор обуславливает оценку субъектной целостности национальной экономики под углом зрения обеспечения глобальной конкурентоспособности, то есть, под углом зрения обладания достаточным субъектным потенциалом для решения задач системного саморазвития экономики в условиях жесткой конкуренции. Именно данный фактор детерминировал перелом тренда в развитии глобального хозяйственного взаимодействия и сформировал современную ситуацию в развитии российской экономики, в том числе, адресованные ей ограничения доступа к ресурсам внешних финансовых и технологических рынков [17].

Детерминация субъектной целостности российской экономики

Действие ограничений доступа к ресурсам внешних финансовых и технологических рынков фокусирует внимание на характере субъектной целостности отечественной экономики и высвечивает типичные для нее реакции на изменения во внешней среде. Становится очевидной существенная зависи-

мость текущих рыночных позиций и перспектив развития любых участников внутренней среды данной экономики (структур малого и среднего бизнеса, крупных корпораций, местных и территориальных хозяйственных систем и др.) от способности интегрированного субъекта российской экономики к встраиванию в качественно новые условия на достаточно продолжительном историческом отрезке. Определенный опыт такого встраивания был приобретен в 2014–2017 гг. (политика замещения части импортной продукции) [5].

Оценка реакций интегрированного субъекта отечественной экономики на изменения, происходившие и происходящие во внешней среде его развития, приводит нас к постановке проблемы его детерминации. В научной литературе данная проблема была поставлена полтора десятилетия тому назад [2], однако ее углубленной разработке уделяется недостаточное внимание. Раскрытие способа детерминации интегрированного субъекта российской экономики позволит определить возможности и ограничения его встраивания в процесс глубоких и динамичных преобразований, сформировать соответствующие механизмы и обосновать стратегически корректный курс его экономической политики.

Существенные возможности для углубленной разработки указанной научной проблемы предоставляет концепция власти-собственности как центрального отношения, своеобразного ядра российской экономики [7]. Власть-собственность находит свои воплощения, как в участниках внутренней среды отечественной экономики, так и в ее субъектной целостности, выстраивая ее и задавая формы поведения, реакции, выбор партнеров, курс экономической политики и др. Исходным пунктом российской хозяйственной системы, в которой сформировалось продуктивное ядро власти-собственности, стала боевая и трудовая община славян, что во многом предопределило характер данной системы, в частности, ее способность защищать себя от внешних врагов [8]. Пережив за несколько столетий ряд преобразований (петровскую модернизацию на рубеже XVII–XVIII вв.; реформы Александра II, ознаменовавшие начало капиталистического развития; крушение империи в конце Первой мировой войны, обозначившее переход к централизован-

ной экономике), власть-собственность проявила способность к устойчивому самосохранению (собственной репродукции) в изменчивой внешней среде.

Анализируя результаты указанных выше преобразований, определим устойчивые характеристики интегрированного субъекта российской экономики, детерминированные властью-собственностью, и раскроем их применительно к современному состоянию данного субъекта:

А. Рентная стратегическая ориентация деятельности, проявляющаяся в выдвигаемых целях развития, реализуемых проектах и программах. Власть, подчинившая себе собственность и редуцировавшая ее до уровня сервисной функции обеспечения своих потребностей, сама не способна генерировать доходы, но нуждается в их регулярном поступлении (налоги, сборы, таможенные пошлины и др.). Поэтому субъектная целостность российской экономики и ее частные субъекты нацелены не на извлечение прибыли в процессе конкурентного взаимодействия, а на формирование защищенных рыночных позиций, обеспечивающих извлечение рентных доходов (извлечение и продажа природных ресурсов, создание зон, в которых ограничена конкуренция и др.). Интегрированный субъект, ядром которого является власть-собственность, избегает конкуренции и заведомо неконкурентоспособен в свободном рыночном взаимодействии. Соответственно, он позиционирует себя в качестве особенной субъектной целостности, претендует на свой путь развития, отличный от путей других участников глобального взаимодействия, а также нуждается в механизмах защиты внутреннего рынка и механизмах поддержки своих частных субъектов на внешних рынках.

Б. Доминирование сил инерции над силами обновления в поле развития субъектной целостности данной системы экономики. Любые существенные изменения в российской экономике должны быть санкционированы властью; хозяйственные преобразования, идущие без согласования с органами власти, воспринимаются как покушения на существующие устои и попытки дестабилизировать экономику и общество. Отсюда – инерционность поведения интегрированного субъекта отечественного хозяйства, его стремление ми-

нимизировать риски и брать под свой полный контроль процессы, нуждающиеся в пространстве свободы, что отчуждает от него творческий потенциал собственного населения. Характерно, что Россия во все эпохи своей истории выступала и выступает в качестве донора творческого потенциала, даря его другим субъектным целостностям, зачастую уступавшим ей в уровне жизни, но предлагавшим лучшие условия для самореализации творческих сил личности. В последние годы отток обладателей творческого потенциала за границу существенно усилился [15].

В. *Замещение механизмов генерации новых идей, технологий, организационных структур, институтов механизмами их заимствования, вынужденное движение по траектории догоняющего развития.* Уходя от конкуренции, рисков, новшеств, интегрированный субъект российской экономики вынужден заимствовать плоды науки, техники, культуры и просвещения из опыта стран-лидеров мирового хозяйства, зачастую переходя пороги меры в переносе новшеств, возникших в иной институциональной среде, что приводит к формированию институциональных ловушек и других проблемных узлов. Движение по траектории догоняющего развития обуславливает формирование у такого субъекта комплекса собственной неполноценности, периодически реализуемого во вспышках обиды на других интегрированных субъектов, а также в упреках в «непонимании», проявлениях нерациональной хозяйственной агрессии и др. Характерно, что прорывы в генерации новых идей, технологий, достижений культуры и просвещения приходятся в российской истории на недолгие периоды глубоких преобразований, расшатывавших позиции власти-собственности (реформы Петра I и Екатерины II, Александра II, «оттепель» в конце 50-х – начале 60-х гг. XX века и др.) [6].

Г. *Поглощение субъектной целостностью российской экономики частных субъектов, действующих в ее внутренней среде.* Если в интегрированных субъектах систем экономики, не обладающих ядром власти-собственности, частные субъекты автономны и свободны в распоряжении результатами своей деятельности после уплаты налогов, то интегрированный субъект российской экономики стремится к абсолютному до-

минированию над всеми встроенными в него корпорациями, территориями, местными хозяйствами, для чего используются механизмы распределения бюджетных доходов и государственно-частного партнерства, формы государственной корпорации и кластера, федеральные программы развития и др. По отношению к частным субъектам бизнеса и общественной деятельности интегрированный субъект выступает в качестве библейского Левиафана.

Д. *Представительность внезаконных форм поведения, реакций на изменения во внешней среде, иррациональных идей.* Абсолютное доминирование интегрированного субъекта российской экономики над встроенными в него частными субъектами приводит к поиску последними эрзацпространства свободы, в котором можно хотя бы отчасти реализовать потребности, возможности и интересы. Так возникает пространство внезаконной экономики и соответствующие ему формы поведения субъектов и их реакции на изменения во внешней среде и в экономической политике [12]. В свою очередь, субъектная целостность российской экономики – в лице государства – также ведет себя внезаконно, ежегодно изменяя условия ведения бизнеса, игнорируя интересы частных субъектов и разрушая институциональный контур воспроизводства.

Интегрированный субъект российской экономики перед вызовами современных преобразований

В конце XX века субъектная целостность централизованной экономики, в которой власть-собственность получила развернутое проявление, оказалась перед лицом глубоких технологических вызовов и связанных с ними социально-экономических преобразований. Централизованная экономика, воплотившая в себе идею «единой фабрики», продемонстрировала свою неспособность перейти через порог индустриального общества. Распад Советского союза обозначил глубокий кризис власти-собственности, но не завершение ее жизненного цикла. В частности, в российской экономике восстановление и развитие вертикали государственной власти в последние годы ознаменовало своеобраз-

ный ренессанс данного отношения и попытку воссоздания – в качественно новых условиях – соответствующей ему субъектной целостности экономики.

Закономерен вопрос о том, насколько обеспечивает отношение власти-собственности потребности современных преобразований? Болезненная реакция субъектной целостности российской экономики на глобальную рецессию 2008–2009 гг. и период, который ряд исследователей квалифицируют как потерянное десятилетие, свидетельствуют о том, что указанная целостность не воспринимает вызовы современного развития [4]. Указанное обстоятельство ставит перед исследователем совокупность взаимосвязанных вопросов:

– с учетом того, что человеческий фактор становится ключевым фактором продвижения к новым состояниям экономики и общества, способна ли субъектная целостность, поглощающая своих участников, обеспечить условия для такого становления?

– не превращается ли в условиях глубоких технологических сдвигов отношение власти-собственности в изжившую себя форму экономических отношений, сдерживающую дальнейший прогресс производительных сил?

В поисках ответов на указанные вопросы укажем, что субъектная целостность российской экономики и ее ядро – отношение власти-собственности – под давлением совокупности современных преобразований изменяют свою качественную определенность, в результате чего возникают переходные формы отношений; система экономики становится неоднородной, теряет свою устойчивость, входит в бифуркации. Мозаика переходных форм создает коллизии субъектной целостности отечественной экономики, среди которых необходимо выделить следующие:

– деструкция прежнего индустриально-го стержня национального воспроизводства в процессе проведения рыночных преобразований, которая противостоит процессу глубоких технологических вызовов, что обуславливает перемещение интегрированного субъекта российской экономики в периферийную зону глобального развития и закладывает основы для дальнейшей потери конкурентоспособности;

– диффузия рентной стратегической ориентации на все уровни и во все сферы дея-

тельности субъектной целостности экономики, в которых нет условий для генерации сырьевой ренты, что обуславливает формирование сети продуцирования и навязывания «превратных» услуг, где инициируется масштабное искательство ренты и создаются соответствующие технологии и механизмы. В итоге под оболочкой указанной субъектной целостности формируются легионы внезаконных «предпринимателей» (государственных и корпоративных служащих) в мундирах, мантиях и гражданских костюмах, превращающих свои должностные функции в средства добычи доходов от предоставления «превратных» услуг, при этом функциональные служебные обязанности имитируются, что приводит к резкому снижению эффективности государственного управления;

– превращение качественно новых возможностей, предоставляемых цифровыми экономикой и управлением, в средства бюрократического контроля над современными каналами социально-экономических коммуникаций, что означает уродливую трансформацию «виртуального государства»;

– ослабление контроля власти над собственностью, первые проявления некоторой автономии собственности от власти, что означает дополнение прежнего момента их единства моментом различия между ними, начало процесса институционального взаимодействия двух отношений, становление перспективных противоположностей. Выделим переходные формы, соответствующие началу указанного институционального взаимодействия: не декларированная собственность, которая скрывается от контроля власти и сконцентрирована в оффшорных зонах и внезаконном секторе российской экономики; собственность, титул которой стал своеобразным «переходящим кубком» за верное служение власти; крупная корпоративная собственность, которая пытается стать олигархической и с этой целью приобретает властные позиции в надежде ослабить доминирование власти и даже полностью избавиться от него, что было характерно для периода рыночных преобразований и начала процесса укрепления вертикали власти; замаскированное накопление титулов собственности у государственных служащих верхнего уровня;

– воспроизводство и адаптация к новым условиям переходных форм взаимодействия власти и собственности, которые хорошо известны из опыта «первого пришествия» отечественного капитализма: грюндерства, ничего не дающего развитию производительных сил, но позволяющего ослабить контроль власти над капиталом; ускоренное развитие специфической надстройки из вложений зарубежных инвесторов, остающейся вне органической связи с национальным воспроизводством, что порождает сотрясающие экономику приливы и отливы спекулятивного капитала [14].

Оценим указанные выше коллизии. Во-первых, в них налицо признаки разрушения феномена «власть-собственность», стороны которого стремятся обособиться друг от друга. Нерасчлененность, свойственная соединению сторон власти-собственности, находится под давлением, стороны (прежде всего, собственность) стремятся освободиться от прежней формы связи между ними, поскольку она не обеспечивает потребности развития производительных сил в условиях глубоких технологических сдвигов и связанных с ними социально-экономических преобразований. Мы имеем дело с формами последовательного высвобождения перспективных противоположностей, дальнейшее взаимодействие которых, по всей видимости, пойдет в рамках развертывания, обострения и разрешения диалектического противоречия.

Во-вторых, анализируемые коллизии свидетельствуют о том, что переходные формы взаимодействия власти и собственности являются результатами «полураспада» феномена власти-собственности, которые правомерно оценить следующим образом:

– с одной стороны, позиции власти в условиях динамичных и глубоких преобразований уже не дают ее субъектам прежнего полного доминирования над отношениями и субъектами собственности, что побуждает к поиску способов контроля, адекватных новым реалиям. Здесь возникает следующая развилка: появляются государственные корпорации, функционирующие в зонах ослабления конкуренции; возникают скрытые (теневые) формы извлечения эффектов от позиций власти, поскольку ее субъектам приходится считаться с растущими проявлениями активности гражданского общества [3];

– с другой стороны, собственность шаг за шагом достигает некоторой автономии от власти, стремится освободиться от зависимости и обрести собственный авторитет в экономике и обществе, что беспрецедентно в истории России, где собственность всегда была поставлена на службу власти. Следует отметить, что данная ситуация сопоставима с отменой крепостной зависимости в России, поскольку собственности приходится выплачивать власти некий аналог «выхода» из прежнего статуса.

В условиях доминирования финансового рынка и финансового преобразования системы экономики деньги вклиниваются между властью и собственностью, опосредствуют их связь. И власть, и собственность, не освободившись друг от друга, капитализируются, принимая при этом превращенные формы. Изгоняя деньги из взаимодействия власти и собственности, мы пытаемся восстановить их синкретическое единство, что невозможно в рамках сколько-нибудь продолжительного периода времени. В данной связи отметим, что борьба с коррупцией в рамках субъектной целостности отечественной экономики сводится к удалению из власти тех, кто эту систему более всего дискредитирует, сами же отношения власти при этом не изменяются.

Результаты преобразований интегрированного субъекта отечественной экономики закономерно привлекают к себе внимание исследователей, хотя иногда получают от них весьма своеобразные оценки. Выделим одну из таких оценок, поскольку она ложится в основу обоснования траектории дальнейшего движения субъектной целостности российской экономики и общества в целом [10]. В рамках данной оценки ограничения доступа к ресурсам внешних финансовых и технологических рынков, введенные в адрес России, начиная с 2014 г., рассматриваются как признаки порога меры, завершающего исторический процесс движения страны на Запад, не приведший к сопряжению экономики, культур, институтов, способов организации гражданского общества. Неудачи в сближении с Западом инициировали предложения переориентироваться на Восток, но такое движение уже было в российской истории, начиная от присоединения Казанского и Астраханского ханств к Московскому государству и завершая присое-

динением Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии в XVII–XIX веках.

В. Сурков полагает, что ориентация на Запад или на Восток принадлежат прошлому. В настоящее время востребованы совершенно иные идеи, цели и ориентиры, смысл которых – поиск собственного, особого пути развития, поскольку Россия двойственна как цивилизация, вместившая в себя и Восток, и Запад. Отсюда следует вывод о том, что Россия – западно-восточная страна, обладающая двуглавой государственной символикой, двойственной ментальностью, расположенная на двух континентах и обреченная на вековое одиночество, которое не означает изоляции от мира, но предполагает относительную закрытость. Конечным итогом авторского анализа становится парадоксальное заключение: «одинокая Россия» будет участвовать в торговле, работать в международных организациях, но останется при этом на своих позициях, при своих ценностях и институтах.

Одиночество в современном мире чревато быстрой потерей прежних позиций, консервацией устаревших механизмов и институтов, добровольным перемещением на дальнюю периферию мирового развития. Используя образы из книг Г. Маркеса, укажем, что сто лет одиночества завершаются тем, что полковнику уже никто не пишет. Попытка сохранить в неприкосновенности свои позиции, ценности и институты в потоке современных преобразований приведет лишь к тому, что одинокая страна скоро окажется никому не нужной и не интересной. Траектория движения субъектной целостности российской экономики задана детерминантами современного развития: ростом поляризации в мировом хозяйстве; резким обострением пространственной конкуренции между интегрированными субъектами, обладающими различными ресурсами и разной продуктивностью развития; откатом глобальной интеграции и доминированием сил локализации; разрушением хрупких результатов переплетения кооперации и конкуренции; сменой политики открытых дверей политикой «нового протекционизма». Но корректная оценка указанных детерминантов приводит нас к иным результатам, нежели приведенное выше парадоксальное заключение о траектории одинокого всадника, скачущего «рядом с отрядом».

Детерминанты современного развития выносят исторический приговор власти-собственности как ядру субъектной целостности российской экономики, поскольку в условиях ужесточения конкуренции и действия ограничений доступа ресурсное поле формирования ренты, жизненно необходимой для такого ядра, последовательно уменьшается, система экономики находится под возрастающим давлением, что обуславливает тенденции к дезинтеграции субъектной целостности и деструкции ее институционального контура. Согласованное распределение потоков доходов сменяется спонтанной и зачастую внезаконной редистрибуцией активов [16]. Интенсификация развития экономики с опорой на скрытые внутренние ресурсы в российских условиях затруднена вследствие оттока высокообразованного человеческого фактора и деградации системы образования, ориентированной на формальные процедуры, а не на формирование реальных компетенций [13]. В таких условиях сохранение субъектной целостности предполагает динамичное обновление элит, запуск социальных лифтов, обеспечивающих насыщение власти творческим потенциалом, выдвижение качественно новых стратегических целей развития, соответствующих смене курса движения интегрированного субъекта экономики, который явно не вписывается в процесс современных преобразований [18].

* * *

России всегда не хватало настоящего – существование на стыке Востока и Запада влекло за собой тысячелетнюю неустойчивость текущей, сегодняшней жизни народа, который, то отстраивал разрушенное набегами, фактически воссоздавая прошлое, то терпел насильственные преобразования, принося свои жизненные силы в жертву самым фантастическим «проектам» власть предержащих. Ведущим принципом сохранения и развития субъектной целостности ее экономики в условиях глубоких и динамичных преобразований становится реализм, что предполагает адекватный учет современных вызовов и отказ от иллюзорных целей, вчерашних или завтрашних идей, имперских планов, способных лишь попусту растратить имеющиеся ограниченные ресурсы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арриги, Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени / Дж. Арриги ; пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. – М. : Издательский дом «Территория будущего», 2006. – 472 с.
2. Бузгалин, А. В. Теория социально-экономических трансформаций / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. – М. : УРСС. – 2003. – 680 с.
3. Zubov, V. M. Экономика «чудес». Почему государственные компании так неэффективны? / В. М. Zubov, В. Л. Иноземцев. – 2015. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/28/09/2015/560923639a79472a14442d47> (дата обращения: 15.12.2016). – Загл. с экрана.
4. Кудрин, А. Л. Стимулирующая денежно-кредитная политика: мифы и реальность / А. Л. Кудрин, Е. Л. Горюнов, П. В. Трунин // Вопросы экономики. – 2017. – № 5. – С. 5–28.
5. Матвеева, Л. Г. Российское импортозамещение в условиях «новой нормальности» / Л. Г. Матвеева, О. А. Чернова // Terra economicus. – 2016. – Т. 14. – № 2. – С. 127–138.
6. Нуреев, Р. М. Институциональные ограничения догоняющего развития императорской России / Р. М. Нуреев, Ю. В. Латов // Terra economicus. – 2007. – Т. 5. – № 2. – С. 80–99.
7. Нуреев, Р. М. Периферия мирового хозяйства / Р. М. Нуреев // Terra economicus. – 2014. – Т. 12. – № 1. – С. 123–149.
8. Нуреев, Р. М. Экономическая история России (опыт институционального анализа) / Р. М. Нуреев, Ю. В. Латов. – 2-е изд., перераб. – М. : КНОРУС, 2016. – 268 с.
9. Рязанов, В. Т. (He) реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России / В. Т. Рязанов. – М. : Экономика. – 2016. – 695 с.
10. Сурков, В. Одиночество полукровки / В. Сурков // Россия в глобальной политике. – 2018. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/global-processes/odinochestvo-polukrovki-14-19477> (дата обращения: 11.04.2018). – Загл. с экрана.
11. Торчинова, О. В. Феномен социальной ответственности в условиях развития интеграционных процессов / О. В. Торчинова, А. А. Ермоленко. – Краснодар : Изд-во Южного института менеджмента, 2015. – 208 с.
12. Auriol, E. An economic analysis of debarment / E. Auriol, T. Soreide // Toulouse school of economics Working paper. – 2015. – № 599. – 31 p.
13. Bear, J. Degree Mills: The Billion-Dollar Industry That Has Sold Over a Million Fake Diplomas / J. Bear, A. Ezell. – 2012. – Electronic text data. – Mode of access: [http://www.degreemills.com/preface-and-](http://www.degreemills.com/preface-and-introduction-to-the-book.html)

[introduction-to-the-book.html](http://www.degreemills.com/preface-and-introduction-to-the-book.html) (date of access: 11.03.2018). – Title from screen.

14. Gindler, G. The Russian Method of State Suicide / G. Gindler // The American Thinker. – 2018. – Electronic text data. – Mode of access: https://www.americanthinker.com/articles/2018/04/the_russian_method_of_state_suicide.html (date of access: 11.04.2018). – Title from screen.

15. Information Economy Report. Digitalization, Trade and Development, UNCTAD, New York and Geneva, 2017. – Electronic text data. – Mode of access: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ier2017_en.pdf OVERVIEW (xiii) (date of access: 17.04.2018). – Title from screen.

16. Mironov, M. Corruption in procurement: evidence from financial transactions data / M. Mironov, E. Zhuravskaya // Social Science Research Network. – 2015. – Electronic text data. – Mode of access: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1946806 (date of access: 01.02.2018). – Title from screen.

17. Roubini, N. The unconventional truth / N. Roubini // Project Syndicate 03.02. – 2015. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.project-syndicate.org/commentary/unconventional-monetary-policies-and-fiscal-stimulus-by-nouriel-roubini-2015-02?barrier=accesspaylog>. – Title from screen.

18. Stiglitz, J. E. The essence of crisis / J. E. Stiglitz. – The New Press, 2010. – 240 p.

19. Stiglitz, J. E. Tapping the brakes: Are less active markets safer and better for the economy? / J. E. Stiglitz // Paper prepared for presentation at Atlanta Federal Reserve Conference, April 15. – 2015. – Electronic text data. – Mode of access: <https://www.frbatlanta.org/-/media/documents/news/conferences/2014/finc>. – Title from screen.

20. Tullock, G. The origin rent-seeking concept / G. Tullock // International journal of business and economics. – 2003. – Т. 2. – № 1. – P. 1–8.

21. Walliser, B. Cognitive Economics / B. Walliser. – Berlin Heidelberg : Springer Verlag. – 2008. – 182 p.

REFERENCES

1. Arrighi G. *Long twentieth century. Money, power and sources of our time*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006. 472 p. (in Russian)
2. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. *Teoriya sotsialno-ekonomicheskikh transformatsiy* [The Theory of Socio-Economic Transformations]. Moscow, USSR Publ., 2003. 680 p.
3. Zubov V.M., Inozemtsev V.L. *Ekonomika «chudes». Pochemu gosudarstvennye kompanii tak neeffektivny?* [The Economy of “Miracles”. Why Are State Companies so Ineffective?], 2015. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/economics/28/09/>

2015/560923639a79472a14442d47 (accessed 15 December 2016).

4. Kudrin A.L., Goryunov E.L., Trunin P.V. Stimuliruyushchaya denezhno-kreditnaya politika: mify i realnost [Stimulating Monetary and Credit Policy: Myths and Reality]. *Voprosy ekonomiki*, 2017, no. 5, pp. 5-28.

5. Matveeva L.G., Chernova O.A. Rossiyskoe importozameshchenie v usloviyakh «novoy normalnosti» [Russian Import Substitution in the Conditions of a “New Normal Reality”]. *Terra economicus*, 2016, vol. 14, no. 2, pp. 127-138.

6. Nureev R.M., Latov Yu.V. Institutsionalnye ogranicheniya dogonyayushchego razvitiya imperatorskoy Rossii [Institutional Restrictions of the Overtaking Development of Imperial Russia]. *Terra economicus*, 2007, vol. 5, no. 2, pp. 80-99.

7. Nureev R.M. Periferiya mirovogo khozyaystva [Periphery of the World Economy]. *Terra economicus*, 2014, vol. 12, no. 1, pp. 123-149.

8. Nureev R.M., Latov Yu.V. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii (opyt institutsionalnogo analiza)* [Economic History of Russia (Experience of Institutional Analysis)]. Moscow, KNORUS Publ., 2016. 268 p.

9. Ryazanov V.T. *(Ne)realnyy kapitalizm. Politekonomiya krizisa i ego posledstviya dlya mirovogo khozyaystva i Rossii* [(Not)real Capitalism. Political Economy of the Crisis and Its Consequences for the World Economy and Russia]. Moscow, Ekonomika Publ., 2016. 695 p.

10. Surkov V. Odinochestvo polukrovki [Loneliness of a Half-blood]. *Rossiya v globalnoy politike*, 2018. URL: <http://globalaffairs.ru/global-processes/odinochestvo-polukrovki-14-19477> (accessed 11 April 2018).

11. Torchinova O.V., Ermolenko A.A. *Fenomen sotsialnoy otvetstvennosti v usloviyakh razvitiya integratsionnykh protsessov* [Phenomenon of Social Responsibility in the Conditions of Integration Processes]. Krasnodar, Izd-vo Yuzhnogo instituta menedzhmenta, 2015. 208 p.

12. Auriol E., Soreide T. An economic analysis of debarment. *Toulouse school of economics. Working paper*, 2015, no. 599. 31 p.

13. Bear J., Ezell A. *Degree Mills: The Billion-Dollar Industry That Has Sold Over a Million Fake Diplomas*, 2012. URL: <http://www.degreemills.com/preface-and-introduction-to-the-book.html> (accessed 11 March 2018).

14. Gindler G. The Russian Method of State Suicide. *The American Thinker*, 2018. URL: https://www.americanthinker.com/articles/2018/04/the_russian_method_of_state_suicide.html. (accessed 11 April 2018).

15. *Information Economy Report. Digitalization, Trade and Development, UNCTAD, New York and Geneva*, 2017. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/ier2017_en.pdf OVERVIEW (xiii). (accessed 17 April 2018).

16. Mironov M., Zhuravskaya E. Corruption in procurement: evidence from financial transactions data. *Social Science Research Network*, 2015. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1946806. (accessed 1 February 2018).

17. Roubini N. The unconventional truth. *Project Syndicate*, 03.02.2015. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/unconventional-monetary-policies-and-fiscal-stimulus-by-nouriel-roubini-2015-02?barrier=accesspaylog>.

18. Stiglitz J.E. The essence of crisis. *The Financial Times*, 24.01.2009.

19. Stiglitz J. E. Tapping the brakes: Are less active markets safer and better for the economy? *Paper prepared for presentation at Atlanta Federal Reserve Conference, April 15, 2015*. URL: <https://www.frbatlanta.org/-/media/documents/news/conferences/2014/fmc>.

20. Tullock G. The origin rent-seeking concept. *International journal of business and economics*, 2003, vol. 2, no. 1, pp. 1-8.

21. Walliser B. *Cognitive Economics*. Berlin; Heidelberg, Springer Verlag, 2008. 182 p.

Information about the Author

Aleksandr A. Ermolenko, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Management and Marketing, Krasnodar Branch of Financial University under the Government of the Russian Federation, Shosse Neftyanikov St./Fedora Luzana St., 32/34, 350051 Krasnodar, Russian Federation, ermolenko_alex@inbox.ru.

Информация об авторе

Александр Александрович Ермоленко, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, Краснодарский филиал Финансового университета при Правительстве РФ, ул. Шоссе Нефтяников/ул. им. Федора Лузана, 32/34, 350051 г. Краснодар, Российская Федерация, ermolenko_alex@inbox.ru.